
Александр АМЧИСЛАВСКИЙ

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

Дай Бог тебе, товарищ дальний мой,
не узанный судьбой глухонемой,
по-мужески оставить суесловье,
вспомянуть привязанность сыновью
и бодро зашагать себе домой.
Успех и слава — пылкая тщета,
безбожных дней слепая череда,
беги ее, певец, не сожалея,
легко шумит дубовая аллея,
ведя к тиши заросшего пруда,
где ждет тебя таинственный покой,
где горицвет и брат садов левкой
подружатся с Вергилием и Флакком,
Катулл несчастный будет вновь оплакан,
и ночь придет молитвою благой.
Беги, поэт, лукавства наших дней,
лишь там, средь несмолкающих теней,
где жажды нет земной и дух бесплотен,
найдешь его и с ним наедине
расслышишь звуки будущих мелодий
и после пропоешь себе и мне.

* * *

А большие ушли. Бородатые, взрослые,
будто вымерли, пусто, хочешь — на реку или в лес,
можно хлопнуть по заднице девушку с веслами
или спортсмену, берущему вес,
мраморные яйца отбить и песни орать благим матом,
а что ! — молоко не киснет и не болят молодые зубы,
самое время землю, теперь бесхозную,
крыть разудалым густым мартом
и утолять подростковым зудом.
Воздух-то какой! — ешь его, глух и нем —
ни паучьих лапок, ни дребезжащих скрипок,

Александр Амчиславский родился и жил в Москве, затем в Израиле. Профессии — учитель русского языка и литературы, художник-реставратор, дизайнер. Публиковался в журналах: «Дружба народов», «Крещатик», «Этажи», «Новый Свет», «Нижний Новгород», «Палисадник», «Под небом единым», в антологии «Русской рифмы победный калибр» (Ставрополь: Агрус 2015), автор сборника стихов «За тонким полотном» (М.: Время, 2017). Лауреат премии Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый Свет» (Канада). Живет в Торонто (Канада).

ни аориста почивших фонем и посмертных всхлипов
из попахивающей воды летейских тем,
ничего от ушедших, кроме как сам,
единственный перевод, какой-никакой,
хоть маши руками, делай зарядку, скрывая неловкость,
знай раньше, что так будет, сюда б ни ногой,
ибо, как штаны Пифагора, равно велики тебе и лотос, и логос,
но при этом настолько тихо, что звук отрастающей бороды
исполняется нежности к цветам на ветках
старых деревьев у воды, и ты
отпускаешь глаза в истоки тех же аориста и плюсквамперфекта.

* * *

Ни прозрений, спасибо, ни брошенных весел,
ни корявых отметин судьбы незавидной,
повезло, ничего мы такого не носим,
лишь осеннюю немощь тропы соловьиной,
лишь умение слезы записывать в столбик
да прикрыться иронией маленький навик,
погуляем, подышим, присядем за столик,
убедимся, что певчими посланы на фиг,
все равно поглядим на высокие кроны,
пошерстим из упрямства до самого верха,
там, наверно, свободно, легко и укромно
без малейшего ветра.

* * *

Не все, что с нами происходит,
хоть что-то с нами производит,
на странно слаженной подводе
живем, качаемся, плывем,
привычны дни, обычны ночи,
без остановок лясы точим,
на остановках землю мочим,
едим да пьем, едим и пьем,
но как подходит — пишем, пишем,
о чем не знаем, чем не дышим,
стремим перо, и жаром пышем,
и теребим высокий слог,
в обнимку с ним летим ли, тонем,
откуда все это — не помним
и потому, наверно, полным
косыми ниточками строк
слепую лунную дорогу,
ты прав — осталось так немного

земного дня, земного бога,
незаменимого извне,
как долгий рог единорога,
в живот мой тычется дорога,
и нам дружить уже до гроба —
и ей, и мне.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ-2

Из больничного окна жизнь короткая видна,
суетная, разбитная, несмысленная, одна,
растудить ее ядрить, что уж нынче говорить,
ближе к Богу все понятно, больше незачем хитрить.
Там дорога, тут забор, или путник, или вор,
что ж ты плавал, ясноглазый, в мутных водах до сих пор,
сыпал пылью золотой, с небом мерился елдой,
прикрывался шкуркой жабьей, лунным светом залитой,
девок тихих обнимал, свято место занимал,
божий дар на грошик медный не побрезговал сменял,
все наладил, все успел, песен разных перепел
на любой мотивчик, жалко, свой придумать не сумел,
мог, болезный, да не смог — мчался к славе, сбился с ног,
кто же знал, что сладкой жизни срок до боли короток,
вот и Господи еси, где ж ты был себя спасти,
эту чашу, друг сердешный, мимо рта не пронести.

* * *

Когда бы я тебя не знал,
то не пришел бы —
иди гостюй по новым снам,
по окнам желтым,
вдыхай чадающую траву
в глухом подвале,
смотри на мертвую строфу —
мертвей бывали,
весь день бубни полночный бред,
всего дороже,
кто рядом, тоже подогрет,
с помятой рожей,
неважно, что там за окном —
внутри ни звука,
плывет обкуренный геном
пыльцой фейсбука,
для пересохшего соска
не нужен вентиль,
полуподвальная тоска —
и тем и этим,

грызет чужая благодать
неутолимо,
я помню, ты могла гадать
по кольцам дыма,
когда-то нежно-голубым,
блаженно горьким —
теперь торчат из головы
седые корни,
и только воем горловым,
нездешним даже,
кого-то молишь о любви —
и здесь ты та же.

* * *

Боишься, мальчик, сравнивать свой дом
с могилой под ракитовым кустом,
где тот же кот ученый, зэк верченый
откидывает карту на потом,
банкует так, чтоб дальше, опосля,
уж как убьют посла, нагнут козла,
яичко не простое, заводное
со зла рябая курочка снесла,
и там неважно — осень ли, весна,
сторонушка воспрянет ото сна,
пойдет писать губерния вприсядку,
и мы начертим ваши имена
и годы жизни. Господи еси,
народ пасти подольше попусти!
Яичко в красный день запыляло,
теперь за сотню лет не разгрести!
Смеялся котик, усики торчком,
кружилось блюдце с детским молочком,
горел во лбу малиновый околыш,
да так, что все как милые ничком
землицу жрали, братики, за страх,
пока наш паровоз на всех парах
летел и комиссары в пыльных шлемах
палили с вышек на семи ветрах.
А сгинувшим — не тризна, не парча,
лишь справка от тюремного врача,
эх, отгорел восток зарею новой,
одна чадит лампада Ильича,
заветная, и слабнет на ветру,
я бедную в предбанник уберу,
все те же мы, нам целый мир — чужбина...
Когда она погаснет, я умру.